

Родился в 1953 г. в Калининской области. В 1979 г. окончил юридический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова. В 1979–2006 гг. — аспирант, ассистент, доцент, профессор и заведующий кафедрой гражданского права ЛГУ (СПбГУ). В 1982 г. защитил кандидатскую, в 1990 г. — докторскую диссертацию. Стажировался в Германии, Голландии, США. С 2006 г. и по наст. вр. — профессор и завкафедрой гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор свыше 160 научных работ, в том числе 16 монографий по проблемам гражданского права и права интеллектуальной собственности. Соавтор и редактор трехтомных учебников «Гражданское право» (1995–2007 и 2008–2009 гг.), трехтомных комментариев к ГК РФ (2002–2008 и 2009–2010 гг.). Участвовал в подготовке и экспертизе проектов многих законов Российской Федерации, включая Гражданский кодекс РФ, а также законов и подзаконных актов Санкт-Петербурга. Наряду с научной и педагогической работой более 20 лет занимается консультированием различных частных компаний и государственных организаций. Неоднократно выступал экспертом в Конституционном, Верховном и Высшем Арбитражном судах, а также в качестве эксперта по российскому праву при рассмотрении споров в международных коммерческих арбитражах. В 1997–2007 гг. — президент Международного коммерческого арбитража (Санкт-Петербург), с 2003 г. по наст. вр. — председатель Международного третейского суда *IUS* (Санкт-Петербург), судья МКАС при ТПП РФ и ряда других третейских судов. В 2000–2010 гг. — член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ, член Комиссии по помилованию при губернаторе Санкт-Петербурга. С 2006 г. по наст. вр. — советник юридической фирмы *DLA Piper* в Санкт-Петербурге.

На вопросы главного редактора журнала «ЗАЯСЯ» Яна Пискунова отвечает
**заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета СПбГЭУ
Александр Петрович СЕРГЕЕВ**

ВЫСШИЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД ИМЕННО ТОТ ОРГАН, КОТОРЫЙ НАХОДИТСЯ НА ОСТРИЕ РАЗВИТИЯ НАШЕГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

— Александр Петрович, первый вопрос, конечно, с нынешней реформой гражданского законодательства. С того времени, когда она начала реализовываться, прошло уже много времени. Высказываются разные мнения о том, почему некоторые ее идеи не удалось воплотить в жизнь. Кто-то и вовсе утверждает, что реформа провалилась, поскольку сейчас нет того концептуального единства, которого изначально придерживались разработчики. В чем, на Ваш взгляд, причины исходящего? Влияют ли здесь какие-то частные конъюнктурные интересы либо, как сказал в свое время Борис Иванович Пугинский, в концепции формы чрезмерно велика теоретическая составляющая и нужно больше ориентироваться на практику, на реалии бизнеса?

— О причинах я, конечно, постараюсь рассказать, хотя не все мне в них до сих пор ясно. Но вначале я хотел бы обратить внимание на главное: на мой взгляд, что несколько лет назад представили юридическую

общественности в качестве новой концепции гражданского законодательства, изначально трудно было признать таковой. Я не обнаружил в так называемой концепции никаких свежих идей по совершенствованию гражданского законодательства, которые отвечали бы потребностям времени. Кроме того, в ней с самого начала шла речь только об изменениях и дополнениях в Гражданском кодексе, а не о модернизации всего гражданского законодательства, которое Кодексом не ограничивается.

В настоящее же время, судя по тому, что сейчас происходит с проектом ГК РФ, вообще невозможно говорить о каком-либо едином подходе к совершенствованию гражданского законодательства. К сожалению, из проекта подчас удаляются именно те нормы, которые, по моему мнению, были в нем одними из самых полезных и прогрессивных.

— Какие, например?

— Скажем, нормы главы о юридических лицах, в которых идет речь о контролирующих должника и аффилированных с ним лицах, о бенефициарах, т.е. о возможности привлечь к ответственности тех, кто действительно стоит за компаниями. В последние годы мне довольно часто приходилось выступать в качестве эксперта по российскому праву при разрешении споров в различных иностранных юрисдикциях, прежде всего в Великобритании. Большинство таких дел развивается по одному и тому же сценарию: потерпевшие, в том числе и российское государство, пытаются с помощью английской юрисдикции привлечь к ответственности тех, кто не номинально, а фактически управляет компаниями-ответчиками.

— Даже государство?

— Конечно, я имею в виду не само государство, а государственные компании — «Аэрофлот», ВТБ и некоторые другие. В подобных судебных процессах истцы пытаются привлечь к ответственности тех, кто, собственно, украл у них деньги, хотя формально эти лица не владели, например, контрольным пакетом, но все знали, что именно им принадлежит бизнес, именно они стоят за всеми событиями.

К сожалению, как раз те нормы, которые могли способствовать решению подобных споров в пределах

российской юрисдикции, почему-то стали объектом критики и в первую очередь были удалены из проекта. Поэтому сейчас, когда ситуация дошла до такой стадии, что Кодекс принимают уже не целиком, а по частям, мне трудно понять, что происходит. Судя по той части, которая уже принята, можно сказать, что по сравнению с оригинальным проектом очень многие положения ухудшены. Например, я был рад тому, что в проекте появилась статья о согласии на совершение сделок. Хотя одной статьи явно недостаточно для полноценного регулирования (для сравнения: в Германском гражданском уложении этому вопросу посвящен отдельный параграф), но все же это лучше, чем ничего. Однако сейчас из статьи исключили почти половину пунктов, и в результате она во многом утрастила свое значение.

— Есть мнение, что некоторые привнесенные положения, наоборот, достаточно перспективны. Например, активно обсуждается снятие законодательного запрета на потестативные условия...

— Вы имеете в виду п. 3 ст. 157 ГК РФ? Он был в проекте, и как раз его и удалили. Собственно говоря, доктрина и раньше подразделяла потестативные условия на два вида: обычные и исключительные, не допуская вторые, но разрешая первые. То есть если условия в какой-то степени зависят от воли стороны, это не мешает быть сделке условной. На этой позиции, по моему мнению, основано и действующее законодательство: ведь и сейчас можно добросовестно способствовать наступлению условий, т.е. проявлять волю. И наоборот, если лицо недобросовестно способствует наступлению условия, то оно считается ненаступившим. Это подтверждает тот факт, что воля может проявляться.

Этот пункт закона, на мой взгляд, не вносил ничего нового в законодательство. То, что он исключен из проекта, ровным счетом ни на что не влияет.

— Вы говорили о том, что наше законодательство малозэффективно в отношении вывода капитала, всевозможных злоупотреблений. Известно, что ст. 10 ГК РФ суды применяют очень осторожно. Но есть еще и такое мнение, что гражданскому праву не следует заниматься вопросами, которые призвано решать право публичное. Гражданское право, например, не должно компенсировать механизмы уголовного законодательства, вообще всей систе-

мы уголовной юстиции, которая у нас работает откровенно плохо. Что Вы думаете по этому поводу? Может быть, и не надо глубоко залезать в вопросы аффилированности, снятия корпоративной вуали?

— Такой подход возможен, конечно, но дело в том, что зачастую очень сложно доказать наличие состава преступления, особенно по таким делам, как мошенничество или коммерческий подкуп. Как показывает практика, в подобных ситуациях практически очень сложно привлечь к уголовной ответственности тех лиц, которых, например, сейчас пытаются преследовать в Великобритании. Уголовные дела если и возбуждаются, то, как правило, ничем не заканчиваются. В этих условиях единственный способ обеспечить защиту хотя бы имущественных интересов потерпевших — это использовать нормы гражданского права, в частности положения о недействительных сделках, деликтах, неосновательном обогащении. Я не стал бы здесь приуменьшать роль гражданского права.

— Каким образом эти специальные положения могут быть компенсированы общими, которые недавно были введены в ГК РФ, например правило добросовестности, конструкция обхода закона, конкретизирующая положения о злоупотреблении и призванная сделать их более удобными для суда?

— Я приветствую подобные нововведения, хотя мне не все из них до конца понятны, например конструкция «обход закона с противоправными целями». Но я считаю, что появление, скажем, положений о добросовестности — это большой плюс. Например, применительно к положениям о сделках: суд, вынося вердикт, сможет принимать в расчет тот факт, что сторона сознательно скрывала какие-то обстоятельства или закладывала в сделку некие дефекты, т.е. действовала недобросовестно. Это, по моему мнению, очень полезная новация.

— С другой стороны, здесь многое упирается в судебское усмотрение. Готовы ли, на Ваш взгляд, наши суды применять такие нормы?

— Вы задаете очень сложный вопрос, на который нельзя, мне кажется, дать однозначный ответ...

— Вы бы предоставили судам больше возможностей для усмотрения в таких вещах?

— Отвечу немного по-другому. Я уже упомянул, что за последние годы близко познакомился с английской юриспруденцией, и мне все больше нравится президентская система права. И то, что делает сейчас Высший Арбитражный Суд, мне тоже нравится, потому что он создает прецеденты, устранив пробелы в законодательстве. Самое главное, чего сейчас не хватает, — это прозрачной, честной, неподкупной судебной системы. Потому что, конечно, государство должно опираться на неподкупное правосудие.

Если же бесконечно рассуждать о том, что судьи — это плохие и никогда хорошими не станут, тогда мы должны будем двигаться совсем в другом направлении: создавать гражданское право, которое регламентирует каждую мелочь, решает все без исключений вопросы. Но это нереально в принципе: у суда всегда остается возможность что-то решать по собственному усмотрению. Поэтому самое важное — это создание суда не только компетентного, но и независимого, неподкупного, некоррумпированного.

— А как Вы относитесь к такому утверждению: романо-германской правовой системе суд не творит право, и толкование, которое сегодня применяет Высший Арбитражный Суд, зачастую выходит за пределы его компетенции как органа судебной власти. Ведь, по сути, ВАС РФ вырабатывает нормы права.

— Я согласен с Вами, что иногда Высший Арбитражный Суд выходит за пределы своих полномочий, портая законодательные органы. Однако я хочу подчеркнуть, что он вынужден так поступать, потому что ему нужно разрешать конкретные дела, а в законодательстве необходимых норм просто нет или они противоречивы. Кроме того, зачастую ВАС РФ должна давать соответствующие времени толкования законов.

Я считаю, что на сегодняшний день Высший Арбитражный Суд — это именно тот орган, который находится на острие развития нашего гражданского законодательства. Он творит современное право, и я ничего плохого в этом не вижу.

— Александр Петрович, а как Вы относитесь к конструкциям английского права, которые сейчас пытаются внедрить в ГК РФ? Возьмем, например,

indemnity — есть мнение, что этот правовой институт не приживется у нас, как не прижились и акционерные соглашения.

— Не могу в этом с Вами согласиться. Мой практический опыт показывает, что акционерные соглашения работают: мы их успешно готовим и заключаем.

— Суды уже были по ним?

— Суды были; к сожалению, далеко не все они выносили такие вердикты, какие, на мой взгляд, следовало бы выносить по закону. Суды почему-то относятся к акционерным соглашениям крайне отрицательно, хотя это действительно гибкий и очень полезный механизм. Но вернемся к общему вопросу. Конечно, можно говорить об особенностях романо-германской системы и системы общего права, но уже давно во всем мире идет сближение правовых систем; сегодня нет ни одной системы, которая не вбирала бы в себя элементы другой. Бояться этого не надо. Конечно, не следует заимствовать то, что совсем уж чуждо нашему законодательству, например концепцию траста, доверительной собственности. С другой стороны, очевидно, что применяемое у нас и в других европейских странах понятие доверительного управления имеет в своей основе английский траст, только модернизированный под национальную систему, переведенный из вещного в обязательственное право. Подобные примеры свидетельствуют о том, что сейчас мир стал единым, сближение не остановить, и я его приветствую.

— Но зачем внедрять эти институты в текст закона? Разве отечественное право не предусматривает возможности использовать такие инструменты? И другой, тесно связанный с этим вопрос: считаете ли Вы, что нашему гражданскому законодательству не хватает диспозитивности? Например, Роман Сергеевич Бевзенко в своем интервью сказал, что императивность — в головах; в гражданском законодательстве избытка императивности нет.

— Конечно, можно по-разному решать эту проблему. И я бы мог на примере близкой мне интеллектуальной собственности показать, что совершенно не нужно вводить многие понятия в закон, потому что существуют более общие определения, которые покрывают вновь вводимые. Тем не менее, поскольку во всем

мире применяются известные договорные конструкции (агентский договор, договоры по сделкам с ценными бумагами и т.д.), было бы неправильно пытаться всё это вместить в наши традиционные конструкции — в договоры поручения, комиссии или во что-то другое.

— Хорошо, а как же непоименованные договоры?

— На мой взгляд, лучше все-таки иметь диспозитивное регулирование, чтобы предоставить участникам оборота какой-то инструментарий, не мешая им модернизировать закон под свои нужды. Возвращаясь к Концепции развития гражданского законодательства: одним из ее существенных недостатков мне виделось то, что ее составители даже не пытались создать новые договорные конструкции, внедрить их в законодательство.

— Какие, например?

— Различные виды биржевых сделок, сделок с ценными бумагами. По ним даже регулирования практически никакого нет.

— В том законопроекте, который рассматривает Госдума и который уже частично принят, тоже нет ответов на эти вопросы?

— Нет. Собственно говоря, в проекте ГК РФ отдельные виды обязательств оставили почти в неприкосновенности. Некоторые поправки планируется внести в кредитно-расчетные обязательства, в договоры на выполнение НИОКР, но в целом никто ничего не менял, даже неставил так задачу. Видимо, рассчитывают сделать это в будущем.

— Не секрет, что у нас многие крупные споры предпочитают передавать на рассмотрение за рубеж и применять для регулирования соответствующих правоотношений именно иностранное право. В чем Вы видите причины ухода в иностранные юрисдикции?

— Я думаю, что причин несколько, но есть две основные. Во-первых, недоверие к нашему суду, на что есть основания. Во-вторых, отсутствие в нашем законодательстве некоторых важных механизмов, востребованных и применяемых на практике. Если вернуться к акционерным соглашениям: сейчас они разрешены,

однако с учетом ограничительного регулирования их все равно пытаются подчинять более гибкому иностранному праву. В этом я вижу главные причины ухода в иностранные юрисдикции.

— Александр Петрович, в свое время, когда четвертая часть ГК РФ только разрабатывалась, Вы выступали против кодификации всех норм права интеллектуальной собственности, против их сведения в единый акт. Сейчас, когда прошло уже много лет, наработалась практика, Ваша позиция осталась прежней? Вы и сегодня утверждаете, что это было ошибкой?

— Да, я и сейчас считаю, что тот вариант кодификации, который был в итоге принят, оказался ошибочным. Тот аргумент, что нынешним регулированием была отброшена накопившаяся практика, был далеко не единственным, конечно, и отнюдь не самым главным. Куда более серьезными, на мой взгляд, были доводы о том, что в одном Гражданском кодексе просто невозможно урегулировать все вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности, т.е. фактически впихнуть в него все законодательство. Кроме того, в ГК РФ не нужно было вводить такое количество процессуальных и административных норм, связанных, в частности, с регистрацией объектов промышленной собственности. И конечно, перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности должен был остаться открытym.

Мое мнение совершенно не изменилось: я по-прежнему остаюсь сторонником того, что Гражданский кодекс есть акт стабильный, рассчитанный на длительное время. Поэтому в нем должны содержаться лишь нормы общего характера, в том числе общие положения об интеллектуальной собственности, а детальное регулирование необходимо осуществлять через специальные законы: авторский, патентный, о товарных знаках, — как это происходит во всем мире.

Сейчас, например, обсуждается новый антипиратский закон. Во что все это выльется? Если изначально в ГК РФ заложена идея, что все законодательство об интеллектуальной собственности должно быть в его четвертой части, значит, мы постоянно будем ее дополнять, изменять. Разве это кодекс, это акт, который называют экономической конституцией? Вот в этом я вижу главный недостаток такого варианта кодификации.

— У Вас ведь были и концептуальные расхождения с разработчиками...

— Да, конечно. Заложенная в ГК РФ идея исключительного права мне кажется наиболее спорной и неудачной, потому что это исключительное право сформировано как единое имущественное право, которое может отчуждаться только целиком и полностью. Это лишает гражданский оборот гибкости: если раньше отдельные права отчуждались свободно, сами по себе, то теперь надо имущественное право отчуждать целиком. Название «исключительное право» тоже вводит в заблуждение: получается, что личные неимущественные права не являются исключительными, хотя они по своей природе гораздо более исключительны, если, конечно, понимать этот термин в традиционном смысле как право, которое принадлежит только данному субъекту и никому другому.

И сама попытка разграничить на законодательном уровне личные и имущественные права тоже, на мой взгляд, неверна: ведь они настолько тесно переплетены друг с другом, что одно право переходит в другое, и зачастую невозможно достоверно определить, где преобладают имущественные, а где личные моменты.

— Совершенствуя законодательство, мы зачастую ориентируемся на зарубежный опыт и перенимаем оттуда все, на наш взгляд, лучшее, что там есть. Не кажется ли Вам, что западная модель регулирования права интеллектуальной собственности сама нуждается в реформировании? Яркий тому пример — патентные войны.

— К сожалению, Россия никогда не имела прогрессивного законодательства об интеллектуальной собственности. И до 1917 г. мы очень серьезно отставали в этой области, и в советское время нам совершенно нечем было гордиться, и сейчас мы пытаемся идти своим путем. Вот Вы упомянули о заимствовании. Да, такое заимствование есть, и оно зачастую продиктовано тем, что мы должны вводить в наше законодательство те нормы международных конвенций, к которым Россия присоединяется. Тем не менее, принимая ч. 4 ГК РФ, мы пошли своим путем: у нас появились пресловутые исключительные права, особое регулирование, которого нет нигде в мире, и т.д. Но мне кажется, то, о чем Вы говорите, это несколько другое.

|| Дело не в том, что мы заимствуем чужой плохой опыт, а в том, что законодательство об интеллектуальной собственности находится в кризисном состоянии. Сегодня, особенно с развитием интернета, оно не справляется с задачами охраны интеллектуальной собственности.

Традиционные способы ее охраны вообще не функционируют: нарушители всегда находят такие способы использования чужой интеллектуальной собственности, что их практически невозможно привлечь к ответственности. И здесь, на мой взгляд, нужно искать иные, не запретительные, а разрешительные методы, когда пользователям, которые уплатили какие-то небольшие суммы, разрешается использовать всё, что есть в интернете. Нынешнее же состояние этой отрасли права порождает пессимизм, потому что традиционные механизмы часто не срабатывают.

— Каким Вы видите выход из кризисной ситуации: нужно совершенствовать имеющиеся правовые механизмы либо менять саму концепцию, устои?

— Я думаю, что эту проблему необходимо решать на общемировом уровне. В условиях бурного развития интернета придумать какой-либо работающий механизм в рамках законодательства одной страны совершенно нереально...

— На европейском уровне уже констатируют, что право интеллектуальной собственности не успевает за техническим прогрессом...

— Именно так. Яркий тому пример — принятие международных конвенций в этой сфере, в частности Договоров ВОИС об авторском праве и об исполнении и фонограммах 1996 г. Идея их создания возникла в 1980-е гг. как раз под нужды интернета, который тогда начал развиваться. Но на их разработку ушло несколько лет, потом еще несколько — на ратификацию... И когда они наконец были приняты, то уже устарели. Научно-технический прогресс, особенно в сфере информационных технологий, развивается настолько быстро, что законодательству за ним никогда не успеть. Интернет, конечно, сегодня создает самую серьезную угрозу интеллектуальной собственности. Но помимо интернета есть и другие сферы, в которых традиционные меры охраны срабатывают. А в интернете действительно надо искать какие-то новые подходы.

— Может быть, эффективно решать эту проблему позволит специализированный порядок рассмотрения споров или даже специализированный суд? Каково Ваше отношение к Патентному суду, который начинает свою работу в июле этого года?

— Специализированные суды — это хорошо, и я очень положительно отношусь к появлению в нашем правовом пространстве суда по интеллектуальной собственности. Жаль только, что на его организацию ушло столько времени, а наша Конституция не позволяет его создать в полноценном виде. Но хвала тем, кто эту идею сумел реализовать хотя бы в рамках Высшего Арбитражного Суда. Ведь споры по вопросам интеллектуальной собственности, особенно патентные, очень специфичны — здесь надо разбираться и в технике, и в праве. Поэтому когда такое дело попадает в обычный районный суд, судья зачастую вообще не понимает, о чем идет речь... Очень хорошо, что этот суд создан, и надеюсь, что постепенно будет создана целая система таких судов. Начало положено, это главное.

— Часто ли Вам в практике общей юрисдикции приходилось сталкиваться со специализацией внутри суда? Есть ли там грамотные специалисты по праву интеллектуальной собственности?

— В арбитражных судах они, пожалуй, есть, а вот в судах общей юрисдикции они мне не встречались.

— Собственно, специализированный суд, а не коллегии и создали потому, что специалистов не так много.

— Да, специалисты — это вопрос серьезный, но не это, на мой взгляд, помешало создать полноценный суд по интеллектуальной собственности. Причина в том, что наша Конституция предусматривает лишь три суда — Конституционный, Верховный и Высший Арбитражный. Если, как предложил Президент РФ, суды объединят, то в рамках этой реформы может появиться более мощная судебная структура в сфере интеллектуальной собственности. Будет такой суд — появятся и специалисты.

— Александр Петрович, кандидатскую диссертацию Вы защищали по вещному праву, но основные Ваши исследования были посвящены праву интел-

лектуальной собственности. Почему Вы на него обратили внимание?

— Интеллектуальная собственность мне всегда казалась очень сложным институтом, хотелось во всем этом разобраться. И на меня, конечно, произвело большое впечатление работы Эдуарда Петровича Гаврилова, Виктора Абрамовича Дозорцева и других специалистов. Не говорю уже о трудах классиков — А.А. Пиленко, В.И. Серебровского, М.В. Гордона, В.Я. Ионаса и др.

||| Некоторые разделы гражданского права не вызывают у меня большого интереса, но интеллектуальная собственность — это, видимо, любовь с первого (правда, более внимательного) взгляда.

— А проблемами вещного права Вы сейчас занимаетесь?

— Занимаюсь, но в меньшей степени. Из этого раздела права меня больше привлекает защита права собственности.

— Как Вы относитесь к выделению в ГК РФ защиты фактического владения?

— В целом положительно, но к новой редакции второго раздела о вещном праве — довольно критически. У меня нет принципиальных возражений ни против защиты владения как такового, ни против восстановления в нашем праве римских конструкций, таких как суперфicies, эмфитеусис и т.д. Но возникает вопрос: насколько сейчас это необходимо, насколько востребовано практикой? Неужели в нашем гражданском праве, в том числе и вещном, сегодня нет вопросов более актуальных?

Кроме того, эти нормы будут, наверное, даже у специалистов вызывать много споров. Например, возвращаясь к понятию владения: на мой взгляд, составителям Кодекса не удалось провести четкую грань между правом владения и владением как фактической категорией. Броде бы они все время пишут о владении как о фактической категории, но то в одной, то в другой норме сбиваются на право владения. Мне кажется, что главная цель — просто обеспечить защиту фактического владения. Для этого хватило бы одной-двух статей, устанавливающих необходимость защиты фактического владения как такового и презумпцию его

законности. Тем не менее в законе появился целый параграф. Не знаю, насколько это оправданно.

— Вы продолжаете заниматься наукой, несмотря на то что сейчас тесно связаны с практической деятельностью. Привносит ли практика что-то новое в Ваши теоретические взгляды?

— Конечно, привносит. Прежде всего она дает пищу для научных размышлений, и многие статьи, которые я написал за последние годы, вызваны к жизни именно теми практическими проблемами, с которыми мне приходилось сталкиваться. И я считаю, что это хорошо: необходим какой-то баланс между теорией и практикой, поскольку не может быть голой науки, она всегда должна быть связана с практикой.

В частности, работа в фирме *DLA Piper* мне дает очень многое: порой мне кажется, что я нахожусь на переднем краю юриспруденции, когда решаются вопросы, которые ставят перед нами клиенты. Зачастую они не находят ответов в нашем законодательстве, тогда приходится создавать непоименованные правовые конструкции. Такова роль советника: ко мне приходят за консультациями по трудным вопросам не клиенты, а юристы, которые работают в нашей фирме.

— Как Вы считаете, дает ли сегодня наше юридическое образование возможность создавать такой симбиоз практики и теории? Есть ли в этом смысле? Многие специалисты утверждают: наяву не хватает практики, юридическое образование не позволяет получить необходимых навыков. Нужно ли в принципе в процессе учебы делать упор на навыки либо они возникнут сами собой? В процессе практической работы? Академизм в образовании сейчас сильно ругают, но нужно ли им поступаться?

— Жалобы на то, что выпускник юридического факультета, прийдя в прокуратуру или адвокатуру, не может составить протокол, я слышу уже лет тридцать. Но я убежден, что задача юридических факультетов состоит в том, чтобы подготовить разностороннего специалиста, владеющего основами и гражданского и уголовного, и административного права и, разумеется, процесса. Ведь так или иначе в практической деятельности переплетаются все отрасли и вопросы возникают самые разнообразные.

Что касается практических навыков, то это дело наживное. Выпускник юридического факультета через неделю будет составлять протоколы не хуже, чем его более опытные коллеги. А вот пробелы в фундаментальных знаниях на практике восполнить очень сложно. Поэтому я остаюсь сторонником классического, разностороннего юридического образования, получив которое выпускник юрфака сможет работать в самых разных областях правоприменения.

Но, конечно, хорошо, когда студенты старших курсов уже в период обучения получают практический опыт, например стажируясь в юридических фирмах.

— Бывает, что такая работа отрицательно сказывается на учебе...

— Да, это верно. Поэтому я студентам всегда говорю: пожалуйста, идите работать, только закончив третий курс. На младших курсах выкручивайтесь как хотите, но учитесь. Ведь именно на первых трех курсах изучаются такие фундаментальные дисциплины, как теория права, конституционное, гражданское, уголовное, административное и процессуальное право. В дальнейшем, на четвертом и пятом курсах, идет уже «доводка» студента как специалиста.

— В Санкт-Петербургском экономическом университете уже введена система «бакалавриат — магистратура»?

— К сожалению, да. В ближайший учебный год я как раз должен буду принять уже на третьем курсе бакалавров. До этого мы готовили специалистов.

— Почему Вам не нравится Болонская система?

— То, что сейчас называют реформой юридического образования, я бы не побоялся назвать планомерным его уничтожением. Я не знаю, есть ли смысл говорить только о юридическом образовании? Может быть, надо шире ставить вопрос: об уничтожении всего высшего образования? Во всяком случае, я пока не ощущал никаких положительных перемен от тех новшеств, которые нас заставляют внедрять в образовательный процесс. Напротив, с каждым годом я вижу, что уровень знаний студентов снижается, поскольку подготовить полноценного специалиста путем натаскивания

на тестах, как нам предлагают, просто невозможно. Из Министерства образования идут бесконечные новые указания: не успеем мы внедрить один стандарт, подготовить по нему рабочие программы, как тут же нам спускают сверху другие установки. Уже несколько лет мы находимся в непрерывном процессе переделывания этих самых программ. Создается впечатление, что там наверху, в министерстве, кто-то бездумно сочиняет, а скорее всего, заимствует какие-то западные методы обучения, не понимая, что к ним нужна определенная материально-правовая база, библиотека, компьютеры, раздаточные материалы; кроме того, должна быть совершенно другая нагрузка на преподавателей.

Представьте себе, например: по существующим требованиям мы должны включать в учебные программы рекомендованную литературу, изданную за три последних года. То есть, если ты включаешь в перечень книгу, изданную 5–10 лет назад, ты уже совершил ошибку, такую программу не пропускают. Спрашивается, зачем брать книги, написанные за 3–5 последних лет, если исследования, созданные 10, 15, 50, а то и 100 лет назад, гораздо лучше? Тем не менее это не допускается.

Это первое требование относительно книг. Второе требование — чтобы все они обязательно были в библиотеке. Если в библиотеке вуза таких книг нет, вы тоже не имеете права включать их в программу. Но это безумие: многие книги сейчас есть в интернете, и, собственно, почему они обязательно должны быть в библиотеке? Совершенно нелепые, необоснованные требования.

Я, честно признаюсь, в последние годы испытываю глубокое разочарование, наблюдая, как из года в год ухудшается качество подготовки студентов.

Если к этому добавить и то, что количество бюджетных мест все время сокращается и вуз вынужден принимать студентов на платной основе, то он, естественно, не заинтересован исключать тех, кто платит деньги. Поэтому даже тех студентов, которые не успевают в учебе, перетаскивают с курса на курс, в итоге к пятому курсу у них накапливается огромное количество задолженностей. Возникает целый клубок проблем. Многие, кто знаком с Болонской системой, говорят:

«Как хорошо, что мы учились по старым программам и со старой профессурой».

— У Вас есть какой-то свой секрет, своя методика, которой Вы, независимо от изменения учебных программ, введенных сверху, придерживаетесь и на этой основе строите процессы обучения, проверки знаний?

— Мы стараемся по возможности смягчать те нелепые требования, которые нам спускают сверху, например давать больше лекций. Ведь законодательство постоянно меняется: как же студенту самому его осваивать, если оно постоянно модернизируется? Учебники появляются минимум через полгода, а то и через год, а учиться надо сейчас, и здесь только лекция, непосредственное общение с преподавателем могут восполнить недостаток учебного материала.

— Вы сторонник устных или письменных экзаменов?

— Этот вопрос как раз далеко не самый главный. Я и за те, и за другие экзамены. Письменные, наверное, более объективны, но студент-юрист должен уметь и говорить. Когда я общаясь с некоторыми выпускниками тех вузов, где были только письменные экзамены (а у нас они по-прежнему устные), то вижу, что молодые ребята нередко просто теряются, не могут говорить совсем, особенно те, кого натаскивали во время учебы на тестах. Их научили писать тесты, но не научили грамотно излагать свои мысли ни письменно, ни устно. Поэтому, наверное, и те, и другие экзамены должны быть в разумном сочетании.

— Труды каких ученых Вы посоветовали бы всем студентам прочитать в обязательном порядке, чтобы заложить фундамент, без которого не может существовать грамотный юрист? О какой из прочитанных Вами за последние годы научных работ Вы могли бы сказать, что это вещь стоящая?

— Конечно, многое зависит от специализации. Однако независимо от нее все юристы должны хорошо знать теорию права. Тем, кто хочет заниматься цивилистикой, я бы рекомендовал познакомиться с трудами наших дореволюционных и советских классиков, в частности с работами Г.Ф. Шершеневича, Ю.С. Гамбарова, К.П. Победоносцева, М.М. Агаркова, О.С. Иоффе, В.П. Грибанова, О.А. Красавчикова и др.

Между современной, советской и дореволюционной правовой наукой в России есть все-таки какая-то емкость, которая если не во взглядах, то в подходах, в требовательности к себе и к своим труду безусловно, просматривается. В частности, наша петербургская (ленинградская) цивилистическая школа на мой взгляд, всегда отличалась демократизмом определенной дистанцированностью от власти. В советское время я никогда не слышал от своих старших коллег дифирамбов в адрес партии и правительства как это было на кафедрах некоторых других вузов или на официальных мероприятиях. Всегда во главе ставилась защита прав человека, защита слабой стороны. И конечно, петербургскую школу отличала повышенная требовательность и к себе, к своим студентам, и к студентам.

— Объективность петербургской школы права интервью нашему журналу отмечал в свое время Сергей Сергеевич Алексеев...

— Так Сергей Сергеевич тоже отчасти наш, питерский он у нас и учился в аспирантуре, и защищался. Но я хотел обратить особое внимание на труды тех, такожем, молодых ученых, которые были опубликованы последние годы. Я убежден, что самые интересные работы всегда создаются именно в относительно молодом или в среднем возрасте. И наши классики цивилистики — яркий тому пример. О.С. Иоффе, Ю.К. Тимонин, В.П. Грибанов и др. — все они свои наиболее яркие работы написали еще до 40 лет, а то и раньше. Современная российская цивилистика подтверждает этот тезис. Мне нравится, например, как пишут Вадим Анатольевич Белов, Сергей Васильевич Сарбаш, Евгений Валерьевич Вавилин. А наибольшее впечатление на меня в последние годы произвели труды Артема Георгиевича Карапетова. Я бы посоветовал во начинающим цивилистам прочитать его размышления (по-моему, они есть и в отдельных статьях, и в книге «Расторжение нарушенного договора») по поводу методологии цивилистических исследований, ознакомиться с теми выводами, которые он там делает.

Приведу лишь один пример. Конечно, изучение римского права — дело нужное и для цивилиста очень полезное. Но не стоит слишком зацикливаться на том, что создавалось две тысячи лет назад: сейчас гораздо важнее изучать современный западный опыт, читать иностранную литературу и, конечно, анализирова-

современную судебную, прежде всего арбитражную, практику. Именно на этой основе можно делать какие-то выводы, вносить предложения по совершенствованию законодательства. У А.Г. Карапетова много хороших идей, большинство из которых я поддерживаю.

— Артем Георгиевич признает ценность экономического анализа права.

— Я с ним в этом полностью согласен.

— А как Вы относитесь к такому мнению: экономический анализ права — это то, что пришло из англосаксонской системы, где работают иные, отличные от действующих в пандектной системе права принципы правового регулирования. Например, там делается акцент на индивидуализме, на самостоятельной защите своих интересов, страхо-

вании рисков. В нашем праве больше патернализма, упор делается на нормативную защиту слабой стороны. Надо ли нам бороться с патернализмом? Нужно ли и в какой степени перенимать сам экономический анализ права и методы правового анализа, характерные для англосаксонской системы?

— Я думаю, что не нужно отказываться ни от того, ни от другого. Наши традиции мы, конечно, должны поддерживать, в том числе и традиции защиты слабой стороны, что было всегда, как я уже сказал, характерно для цивилистики. Но в то же время я бы советовал не сбрасывать со счетов и экономический анализ права; в конце концов, эта система основана на целесообразности, на здравом смысле, и этого нам очень не хватает в те моменты, когда создают теоретические конструкции и не думают о том, как они будут работать на практике.